

Светлана Алешина

Репортаж с того света

Часть сборника
Фавориты ночи (сборник)

Светлана Алешина

Репортаж с того света

Серия «Папарацци»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6190905

Алешина С. В. Фавориты ночи. Репортаж с того света: Повести.:

ЭКСМО-Пресс; Москва; 1999

ISBN 5-04-003804-6

Аннотация

«...— Да я же говорю, — Клочков вытер со лба капельки пота, — была вспышка. Я только потом понял, что это был выстрел.

— Ты слышал выстрел? — лейтенант снисходительно посмотрел на него.

В другой ситуации Клочков возмутился бы, что его называют на «ты», но сейчас он пропустил грубость мимо ушей.

— Нет, выстрела я не слышал, — ему приходилось по несколько раз повторять фразы, пока не удавалось произнести их без запинки. — Но вот же пистолет.

Он тыкал пальцем в фотографию.

— Я только когда увеличил фотографию, разглядел его. Вы же сами видите, — почти выкрикнул он.

На фото из кустов действительно торчала какая-то штуковина, отдаленно напоминающая ствол.

– Фотографию к делу не пришьешь, если нет трупа, –
меланхолично произнес лейтенант...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Светлана Алешина

Репортаж с того света

Глава 1

Оранжевый солнечный диск скрылся за узкой полоской перистых облаков, давая минутную передышку растениям, насекомым и птицам.

Темная голова с всклокоченными кудрями поднялась из травы и начала вращаться на тонкой рахитичной шее. Глубоко вдохнула тяжелый медвяный аромат, исходивший от нагретых трав и земли. Человек снова повалился на спину, раскинув руки. Правая рука ткнулась в «Зенит» с полуметровым телеобъективом, бережно поправила фотоаппарат и передвинула его в тень низкого орехового куста.

Дима Клочков приехал в этот лесок близ дачного массива на Кумыске, чтобы развеяться и поснимать. Вообще-то по образованию он был физик, но так получилось, что перестройка настигла его сразу после окончания университета и найти работу по специальности ему не удалось. Чтобы прокормить себя, родимого, приходилось перебиваться случайными заработками: то продавать газеты, то катать тележки с продуктами на одном из тарасовских рынков, то собирать яблоки.

Труднее всего приходилось зимой. Во-первых, работу было найти сложнее, а во-вторых, Дима просто отчаянно не любил мерзнуть. Поэтому с наступлением лета он блаженствовал. Любимым его развлечением было бродить по окрестным лесам и полям и фотографировать все, что попадало в объектив его «Зенита». Фотограф он был непрофессиональный и снимки делал не ради выставок и наград, а для души, но иногда их печатали местные издания в разделах «Окно в природу» и «Наши земляки», выплачивая Ключкову небольшие гонорары, которые тут же тратились им на приобретение пленки, бумаги и химреактивов.

Из состояния полудремы Ключкова вывел звук двигателя проехавшего автомобиля. Белая иномарка, пропылив по проселочной дороге, остановилась на поляне метрах в шестидесяти от Ключкова. Дима поднял голову над травой, посетовав на то, что нарушили его одиночество, и потянулся за фотоаппаратом. Направив объектив на авто, Ключков увидел, как открылись дверцы, выпуская на лоно природы мужчину и женщину.

«Отдыхающие», – подумал Дмитрий, наблюдая за происходящим.

Женщина сразу привлекла его внимание: высокая стройная блондинка с вьющимися волосами до плеч. Объектив сократил расстояние в десять раз, и он мог ее хорошо рассмотреть. Легкое полупрозрачное платье без рукавов, перетянутое ремешком на тонкой талии, изящно подчеркивало

ее высокую грудь. Но самое большое впечатление на Диму произвела отточенная грация ее движений. Она двигалась легко и свободно – ее походка казалась сотканной из танцевальных па. Игриво покружив перед носом дородного лысого господина, который с каким-то ребяческим восторгом и удивлением, не вязавшимся с его внушительной наружностью, следил за ее подтанцовками, блондинка протянула ему руку. Голова ее была кокетливо склонена вправо, голубые глаза смотрели лукаво и задорно.

Дима наблюдал за сценой в объектив своего «Зенита». Он видел, в какое замешательство привел полного господина невинный жест его обворожительной спутницы.

«Это же сама жизнь, как она есть», – с наивностью неофита подумал он и принялся щелкать фотоаппаратом, сохраняя свое оправданное высшими эстетическими целями инкогнито.

Лужайка тем временем превратилась в театральные подмостки, на которых странная пара демонстрировала не менее странный балет: мужчина принял молчаливое приглашение дамы и уже сам упоенно выделял всевозможные пируэты, сотрясая окрестности заливистым баритональным хохотом.

Дима сам еле сдерживался от смеха: таким забавно-неуклюжим по сравнению со своей порхающей подругой выглядел этот важный господин, который неудержимо прыгал и гоготал, как сбежавший с урока школьник.

«Вот так идиллия», – улыбнулся Дима, не переставая сни-

мать.

Попетляв в танце по лужайке, фривольная парочка направилась к островку деревьев и кустов, контуры которого мягкой волнистой линией словно были призваны доказать, что гармония между небом и землей в принципе достижима.

«Оно и понятно, что им еще делать на природе?» – не то от жажды, не то от предчувствия чужого удовольствия облизнув сухие шелушащиеся губы, прокомментировал Дима. С несказанной горькой радостью он в который раз отметил про себя, что его удел – играть в театре одного актера. Так он именовал свою долю стороннего наблюдателя, хотя и тешил себя думкой, что такова роль всех подлинных служителей искусства, к числу которых он смело себя относил. «Смело» не означало отсутствия некоторой оглядки на краснеющие щеки совести, о которой трубили родители и школа, а потом и ученые клуши из университета.

У Димы было два существенных дефекта: заикание и вечная интеллигентская растерянность, которую он пытался «лечить» спонтанным схватыванием натуры в объектив своего верного одноглазого друга. Стоит ли говорить, что подобные недостатки не самым положительным образом влияли на его взаимоотношения со слабым полом, который в наше трудное постперестроечное и посткризисное время с не меньшим пылом, чем в эпоху «валькирий революции» и «девушек с веслом», стремится отбросить любые намеки на свою природную хрупкость на практике, а не в феминист-

ской теории, утвердить себя в качестве воительниц и строительниц нового быта и новых взаимоотношений с так называемым сильным полом.

Дима был еще молод и начисто лишен зависти, чтобы неудачи с женщинами испортили ему жизнь и могли вызвать неодобрительную ироническую усмешку по поводу чужого успеха на этом поприще. В романтическом девятнадцатом веке при наличии аристократических корней и капиталов он мог бы быть деятельно-влюбчивым Фабрицио дель Донго или меланхолично-даровитым Чайльд Гарольдом. Поэтому его короткое замечание в адрес влюбленной парочки не имело ничего общего с насмешливой иронией, а скорее было пропитано пониманием и сочувствием – такая вот стопроцентная интеллигентская деликатность имела место даже на дистанции, даже в отношении незнакомых людей.

«Лечение» застенчивости и социальной невостребованности шло полным ходом: Дима лихорадочно и жадно запечатлевал череду разбавленных танцевальными па объятий, словно был не наблюдателем, а одной из целующихся сторон.

– Б-б-блин, – вслух выругался он, досадуя то ли на себя, то ли еще на что, – п-пленка кончилась.

Клочков на минуту отвлекся от парочки, сел и пошарил в кожаном кофре. Обнаружив, что пленка была последней, выругался еще раз. Когда он снова повернул голову в сторону поляны, мужчины и женщины уже не было видно, лишь светлая ткань платья на мгновенье мелькнула среди ветвей

и исчезла.

Он еще некоторое время смотрел на то место, где только что находилась женщина, и ему показалось, что из-за кустов что-то сверкнуло. Что-то похожее на солнечный зайчик, отраженный от зеркальной поверхности. Физическое образование и пытливый ум заставили его задуматься над этим феноменом, но сколько он ни размышлял, так и не пришел к какому-либо логическому объяснению. Никаких светоотражающих предметов поблизости не было.

Может быть, солнце отразилось от фар оставленного на поляне автомобиля? Или ветви деревьев сместились, движимые ветром, и открыли небольшой прогал для солнечного луча? Заинтересовавшись данным явлением, Дмитрий повесил камеру на грудь, ремешок кофра накиннул на плечо и, не скрываясь, стал продвигаться по направлению к автомобилю. Когда до него оставалось метров двадцать пять, из-за деревьев вышла женщина и направилась навстречу Ключкову. Ее движения были по-прежнему изящны, хотя, будучи внимательным и чутким, Дмитрий заметил в них некоторую поспешность и скованность. Ленивый ветерок нехотя перебирал ее светлые пряди, полупрозрачная ткань платья эффектно развевалась при ходьбе.

Гордая посадка головы и немного тяжелый немигающий взгляд изобличали в блондинке решительную и волевою особу, которая тем не менее обладала чарующим женским обаянием. Незнакомка явно шла к автомобилю.

«А где же кавалер?» – подумал Клочков, непроизвольно замедляя шаг. Он повернул голову к кустам, из которых выпорхнула эта фея, но никого не увидел.

Заметив Дмитрия, блондинка в нерешительности замерла на опушке и посмотрела в сторону леса. Застенчивый от природы Дмитрий не стал далее ее смущать и, резко развернувшись, широкими шагами заспешил к автобусной остановке. Он и сам покраснел до корней волос и, лишь выйдя на трасу, немного успокоился.

До вечера было еще далеко, автобус шел в город полупустой: дачники горбатились на своих сотках, собирая урожай и перекапывая освободившиеся от ранних овощей грядки. Дмитрий сидел на переднем сиденье, предвкушая, как он придет домой, проявит пленки и будет печатать фотографии.

Погруженный в свои мысли, он не видел, что белая иномарка, на которой приехали мужчина и женщина, неотступно следует за автобусом.

* * *

На другой день, красный как рак, Клочков сидел в районном отделении милиции и, сбиваясь, рассказывал дежурному лейтенанту свою историю. Волнуясь, он заикался. Стоявшие рядом милиционеры ржали в полный голос, и от этого он заикался еще больше. Но он твердо решил добиться правды и теперь третий раз начинал все сначала.

– Да я же говорю, – Клочков вытер со лба капельки пота, – была вспышка. Я только потом понял, что это был выстрел.

– Ты слышал выстрел? – лейтенант снисходительно посмотрел на него.

В другой ситуации Клочков возмущился бы, что его называют на «ты», но сейчас он пропустил грубость мимо ушей.

– Нет, выстрела я не слышал, – ему приходилось по несколько раз повторять фразы, пока не удавалось произнести их без запинки. – Но вот же пистолет.

Он тыкал пальцем в фотографию.

– Я только когда увеличил фотографию, разглядел его. Вы же сами видите, – почти выкрикнул он.

На фото из кустов действительно торчала какая-то штучковина, отдаленно напоминающая ствол.

– Фотографию к делу не пришьешь, если нет трупа, – меланхолично произнес лейтенант, доставая из кармана сигарету.

– Так надо съездить туда, – твердил свое Клочков, пытаясь пятерней пригладить торчащие в разные стороны волосы. – Может, они труп-то не успели спрятать.

– Ты слышал когда-нибудь пистолетный выстрел? – снисходительно посмотрел на него лейтенант, выпуская дым из рта.

– Слышал, – с трудом выговорил Клочков. – В кино. Раздалось дружное ментовское ржание.

– Так вот, Клочков, – произнес лейтенант менторским то-

ном. — Если бы там, как ты говоришь, стреляли, ты должен был слышать выстрел. А раз ты его не слышал, значит, никакого выстрела не было.

— Я видел вспышку. Я только потом понял, что это такое. Сначала я подумал, что это солнечный зайчик, но там ему не от чего было отражаться. Я даже специально хотел поближе к машине подойти, чтобы посмотреть. Может, отражение от нее? А тут она навстречу вышла.

— Кто, машина? — ехидно перебил его лейтенант.

Ему уже порядком надоел этот чудик, и он хотел как можно быстрее от него избавиться.

— Ну какая машина? — покраснел еще сильнее Клочков, беспорядочно и лихорадочно жестикулируя. — Я же говорил, девушка. У нее еще такие движения были плавные, как у танцовщицы. Она вышла, увидела меня и остолбенела.

— Наверное, ты ей понравился, — насмешливо вставил высокий темноволосый сержант. — Надо было не теряться. Что ж ты?

Все снова захохотали.

— Да н-нет... — заикаясь, произнес Клочков.

Он смущенно улыбнулся и вытер пот со лба.

— Я только после понял, что она чего-то боялась, когда фотографии напечатал, — проговорил он после паузы.

— И чего же она боялась? — лейтенант стряхнул пепел в стоявшую на столе консервную банку.

— Как чего? — удивился Дмитрий. — Что я все видел и сфо-

тографировал. Фотоаппарат-то у меня на груди висел, – с ликующим видом произнес фотограф.

– Да она просто была с любовником и подумала, что муж послал тебя за ней шпионить. Вот и струхнула маленько, – весело сказал лейтенант, гордясь, что никому, кроме него, не пришло в голову такое простое объяснение. – А когда ты ушел, она и думать про тебя забыла.

– В том-то и дело, что она вышла на поляну одна, – старательно выговаривая слова, сказал Дима. – Я еще подумал про ее кавалера, мол, пропал куда-то. Но теперь-то и вы должны понять, что его убили.

Он снова стал перекладывать фото, лежащие на столе. Руки его заметно подрагивали.

– Вот она перед ним выделяется, пытается заинтересовать его. Вот начинает заманивать в лес. А потом у меня пленка кончилась...

– Может, ты в следующий раз возьмешь побольше пленки, чтобы тебе хватило, – игриво, но не без ехидства предложил лейтенант, бросая сигарету в консервную банку. – И заснимешь все как следует. Тогда и поговорим, ладно?

– Вы что, смеетесь, что ли? – возмутился Дмитрий, – да я никуда не уйду отсюда, пока вы...

– Что «пока мы»? – лейтенант в упор посмотрел на него.

– Пока вы не поймаете убийц, – пылая праведным негодованием, закончил Клочков.

Он собрал фотографии в большой черный пакет из-под

бумаги, положил его себе на колени и поудобнее устроился на ободранном стуле.

– Вот черт, – с досадой произнес лейтенант и почесал голову грязными ногтями.

Несколько минут в дежурке царила тишина, потом лейтенант все же решил расставить точки над i.

– Так, значит, выстрела ты не слышал, Клочков? – бодро произнес он.

– А если у убийцы был пистолет с глушителем? – вопросом на вопрос ответил Клочков.

– Ну ты, друг, детективных романов начитался, – осклабившись, похлопал его по плечу лейтенант, – иди-ка ты домой, а мы уж здесь как-нибудь разберемся.

– А как вы найдете то место? – въедливо поинтересовался Дмитрий, – ну, то, где труп лежит.

– Найдем, найдем, – успокоил его лейтенант, думая, что отделался от надоедливого чудака, – работа у нас такая – разыскивать.

Менты насмешливо переглянулись, сдерживая новый приступ хохота.

Но Дмитрий, который поднялся было со своего места, чтобы уйти, снова сел на стул.

– Нет, вы без меня не найдете. Я покажу.

– О господи, – возопил лейтенант, закатывая глаза, – ладно, хрен с тобой, – он махнул рукой, видимо, приняв окончательное решение. – Матвиенко, – он повернулся к темно-

волосому сержанту, – бери машину, этого... чудика и осмотри там все, понятно?

– Так бензина же нет, – возразил было Матвиенко.

– Найдешь, – рявкнул на него лейтенант, – понятно?

– Понятно, – сержант хлопнул Ключкова по плечу. – Поехали, Конан Дойл.

* * *

Я неслась по трассе со скоростью сто километров в час и едва успевала краем глаза схватывать быстро меняющийся заоконный пейзаж. Настроение было ни к черту. Я возвращалась из Карасева, где провела четыре дня, в досталь наговорившись с моей словоохотливой и по-деревенски наивной мамой и школьными подругами. Станным было то, что эта поездка на родину, предпринятая в качестве неотложной меры по оказанию себе срочной психологической помощи, повергла меня в еще большую депрессию. Я поняла, вернее, почувствовала, насколько чужой и скучной стала для меня размеренная и непритязательная полусельская жизнь.

Первый день прошел еще вполне сносно, я бы даже сказала, весело: взаимная искренняя радость встречи, длительное застолье, знакомый деревенский говор, местный колорит, свежие новости о том, кто на ком женился, кто кого родил, протяжные, с чувством исполненные песни и, конечно, всяческие солености, которые я смерть как люблю.

Но последующие три дня явились для меня настоящей пыткой. Поначалу я хотела просто отдохнуть, возродиться, выражаясь фигурально, из пепла городской суматохи и отчужденности, почитать, просто расслабиться. Но провалявшись полдня на постели под неусыпным контролем моей ма-тушки, каждые десять минут интересующейся, не принести ли мне чего-нибудь поесть, не налить ли молока, не заболела ли я и отчего хандрю, я поняла, что издегаюсь и свихнусь в Карасеве окончательно, что неспешный ритм здешней жизни не для меня, что отдыхаю я только в процессе работы, но той, которая мне действительно нравится.

И вот я села в свою «Ладу» и отправилась в Тарасов, собираясь окунуться с головой в хорошо знакомую мне суматоху в редакции. Хотя запарок уже давно не было. Скорее наоборот, все шло из рук вон спокойно, и в последнее время я все чаще и чаще зевала на рабочем месте в ожидании авантюрного лакомства.

Ждала, пока не впала в депрессию и квазилетаргию. Дай, думаю, родной Карасев навещу, отдохну, развеюсь. Так нет же – и там заскучала.

Ну так чем же ты тогда недовольна – ты ведь мечтала вернуться в Тара...

Противное пикирование моего сотового заставило меня отложить внутренний монолог на неопределенный срок.

– Слушаю, – вяло отозвалась я на пронзительную ноту аппарата.

– Оля, привет, как отдыхается? – узнала я сочный певческий голос моего заместителя.

– Отлично, – соврала я и насторожилась, как собака, почувывая дичь. – Что-то случилось?

Номер моего мобильного был известен не многим людям, да и их я просила беспокоить меня только в особо важных случаях. Сергей Иванович Кряжковский, зам главного редактора еженедельной газеты «Свидетель», то есть мой, естественно, входил в это число и попусту беспокоить меня бы не стал.

– Оленька, здесь один товарищ пришел, говорит, что оказался свидетелем убийства в пригороде Тарасова, я бы сам с ним пообщался, но это вроде бы по твоей части. Что ему сказать?

В трубке повисло напряженное молчание.

– Почему он не обратился в милицию?

– Да в том-то и дело, что он только что оттуда. Он долго убеждал их поехать с ним на место преступления, а когда они туда приехали, то ничего там не обнаружили. Вот такое странное у товарища сообщение.

– Ладно, Сергей Иванович, узнайте у этого свидетеля, в чем там суть, и скажите, чтобы пришел часа через полтора-два, к этому времени я уже буду на месте.

– Хорошо, Оля, я понял.

Сергей Иванович повесил трубку, а я прибавила газу, радуясь предстоящей встрече со своими сотрудниками и уже

успевшему наметиться делу. Но все-таки до самого города меня не покидало ощущение какой-то нервозности.

«Чем же ты сейчас недовольна?» – язвительно переспросила я себя, когда отутюженное слепящим солнцем небо пересекла горизонтальная дорожная вывеска: Тарасов.

Гибэдэдэшник многозначительно кивнул мне, как бы давая понять, что и он, палимый и гонимый (мысленно, конечно) большей частью автомобилистов мент, простой, покрытый пылью парень, кое-что смыслит в женских прелестях. Я улыбнулась в ответ уголками губ и тут же перевела взгляд на поблескивающую разноцветными крышами и капотами автодорогу.

Мне не привыкать к мужскому вниманию. А уж когда, имея такую сексапильную внешность, ты сидишь за рулем и с пренебрежительно-хладнокровным прищуром кидаешь взгляд то направо, то налево – тут уж действительно чувствуешь себя королевой.

Но жуть как не люблю, когда мне возбужденно и зычно сигналиит какой-нибудь небритый доморощенный ковбой на старом «жигуленке» или грузный, потный дальнобойщик. Знаю я их плотоядные усмешечки да пошлые призывы заняться сексом прямо на обочине. Насмотревшись фильмов про американских коллег, они, наверное, думают, что это очень круто – грубым пропитым басом крикнуть проезжающей красоте: «Давай потрахаемся!»

«Проехали, дружок», – обычно шепчу я одними губами

таким типчикам.

Ну вот, я снова в Тарасове, как будто и не уезжала никуда отсюда. Солнце все так же сияет в голубом небе, правда, несколько нежнее, чем раньше, – конец августа все-таки.

Последние кварталы до редакции тянулись особенно медленно, светофоры, как назло, светили красным, а пешеходы лезли прямо под колеса.

Теперь, наконец-то, все. Я выбралась из машины, с удовольствием разминая затекшие ноги. В редакции подошла к двери с табличкой «Главный редактор еженедельника «Свидетель» Бойкова Ольга Юрьевна» и открыла ее.

Мокрая, как курица, Марина, прижимая одной рукой тряпку к затылку, зажав щетку в другой, пыталась замести осколки разбитого кувшина. Сцена, конечно, была комичной, но что-то в облике моей секретарши было такое, что смеяться мне сразу расхотелось.

– Привет, что случилось? – я прошла в приемную, впери в Марину вопросительный взгляд.

– Ой, Ольга, привет, – Марина явно обрадовалась моему приезду, но появившаяся на ее лице улыбка тут же превратилась в гримасу боли.

– Да что с тобой? И где Сергей Иванович?

– Сергей Иванович пошел обедать, – начала она, прижимая тряпку к голове. – Я осталась здесь одна и решила заварить себе кофе...

– Да брось ты эту щетку, – я забрала у нее орудие совсем

не секретарского труда и усадила ее в кресло. – Вот теперь рассказывай.

– Так я почти все уже тебе рассказала, – она снова поморщилась. – Я насыпала в чашку кофе, подошла к чайнику и тут услышала, как открывается дверь. Ну, я подумала, Сергей Иванович вернулся. И вдруг ба-бах – искры из глаз, все потемнело, и я отрубилась. Очнулась – вся мокрая – лежу на полу посреди осколков от кувшина, башка разламывается, – Маринка шмыгнула носом и разревелась. – Что же это такое?

– Разберемся, – я наклонилась к Маринкиной голове. – Дай-ка я сначала посмотрю, что у тебя с головой.

Я попыталась снять ее руку с головы, но Маринка заорала еще громче.

– Да не ори ты, ради бога, – прикрикнула я на нее, – или сейчас вызову «скорую».

Иногда даже окрик успокаивает лучше, чем терпеливые увещевания. Маринка хоть и была моей подругой, но относилась ко мне, как к своему начальнику, и к тому же до смерти боялась врачей. Поэтому, когда я убрала с затылка ее руку с тряпкой, она уже не сопротивлялась, а только тихонько поскуливала, как щенок.

Ничего, в общем-то, страшного – раны нет, но огромная шишка выросла уже размером со сливу. Главное – чтобы не было сотрясения.

– Ну что там? – жалобно спросила Маринка.

– Жить будешь, – ответила я, меняя ей влажную тряпку. –

Тебя не тошнит?

– Кажется, нет.

– Тогда все в порядке.

Я уже ссыпала осколки кувшина в корзину для бумаг, когда в редакции появился Сергей Иванович.

– Оленька, – обрадованно воскликнул он, – с приездом, как отдохнула?

Я еще не успела ответить, как он, взглянув на Марину, державшую руку на голове, поинтересовался:

– Что это с тобой?

– Кто-то ударил ее кувшином по голове, – ответила я за нее. – Посмотрите, ничего не пропало?

Удивленный Сергей Иванович прошел в мой кабинет и тут же вернулся, необычайно взволнованный.

– Исчезли фотографии, которые принес Дима Ключков... Ну тот, про которого я тебе говорил по телефону.

– Понятно, – протянула я. – Значит, кто-то не хотел, чтобы мы их увидели. Видимо, на них изображено действительно что-то такое, что может изобличить преступника. По крайней мере, он так думал. А где этот герой войны? – посмотрела я на Сергея Ивановича.

– Я думал, он уже здесь, – растерянно произнес Кряжимский, – разве он не приходил?

Я вопросительно посмотрела на Марину.

– Нет, никого не было, кроме... – она поморщилась.

– Та-ак, – я начала расхаживать по приемной, – кажется,

дело начинает принимать серьезный оборот. Сергей Иванович, – встав посреди комнаты, я повернулась к Кряжимскому, – Клочков оставил свой телефон?

– У него нет телефона, – с досадой произнес он, – но я записал адрес... На всякий случай.

– Кажется, этот случай уже наступил... – внутри у меня что-то напряглось от нехорошего предчувствия. – Поехали, нам нужно торопиться.

– Ты думаешь, что...

– Не знаю, – оборвала я его, направляясь к выходу. – Поехали скорее.

Глава 2

Минут через пятнадцать мы с Кряжимским торопливо поднимались по обшарпанным ступеням на последний этаж «хрущевки», расположенной неподалеку от тарасовского аэропорта. Деревянная дверь, выкрашенная темно-коричневой половой краской, старый замок...

– Квартира однокомнатная, – произнес стоящий позади меня Кряжимский.

Я кивнула, соглашаясь с ним, и нажала кнопку звонка. Веселая трель эхом ответила мне, но никто не торопился отпираться.

– Может быть, он уже сидит в редакции и ждет нас? – предположил Сергей Иванович.

Я сунула ему в руки миниатюрную «моторолу», а сама снова нажала на кнопку. Звонок веселился за дверью, а мне почему-то было невесело.

– Да что он там, заснул, что ли? – я даже не заметила, что говорю вслух.

– В редакцию он не приходил, – Сергей Иванович протянул мне мобильник. – Что будем делать?

– Если бы я знала, – я уже барабанила в ненавистную дверь кулаком. – Черт, – я со злостью, не чувствуя боли, ударила в дверь ладонями, и, уступив напору, дверь вдруг стала отворяться.

Это мне совсем не понравилось, хотя в данной ситуации я ничего так не хотела, как проникнуть внутрь.

Стоя перед разверстой в полумрак дверь, я лихорадочно соображала, что предпринять. Я вспомнила героиню моего любимого сериала, которая, будучи частным детективом, без труда вскрывала самые сложные замки, включая сейфные, и проникала в любые труднодоступные места. Я же стояла перед открытой дверью, не решаясь войти. Одно дело читать об этом в книгах, и совершенно другое – самой быть действующим лицом.

– Войдем? – растерянno обернулась я к Кряжимскому.

– Но, Оля, – строго посмотрел он на меня, – это будет нарушением.

Мне показалось, что и он пребывает в некотором замешательстве. Мой вопрос помог ему частично справиться с ситуацией, позволив заговорить на унылом языке Гражданского кодекса.

– Нарушением чего? – почему-то шепотом спросила я.

В отличие от моего законопослушного зама, я сочла момент не очень подходящим для юридических словопрений.

– Ну... – губы Кряжимского, немного выбитого из колеи моим наивным вопросом, вытянулись в трубочку, – это же частная собственность.

– Какая частная собственность, Сергей Иванович? – нахмурилась я. – Вы где живете-то, в Америке, что ли? Пошли, – я решительно шагнула за дверь. – Может быть, ему

требуется помощь.

Последний аргумент возымел нужное действие: Кряжимский не стал больше противоречить, лишь неуверенно пожал плечами: мол, мое дело предупредить.

В полутемной прихожей я наступила на что-то металлическое. Из-под ноги раздался противный скрежет. Связка ключей – поняла я. Это мне не понравилось еще больше.

Для тех, кто ни разу не был в «хрущевских» квартирах, объясняю, что там прихожую с кухней соединяет такой аппендикс, как бы вырост из гостиной. Вот в этом-то аппендиксе и лежал худой человек с кудрявыми всклокоченными волосами. И помощь ему явно уже не требовалась. Потому что он был мертв. Из разбитой головы на деревянный крашеный пол натекло немного крови, глаза остекленело и удивленно смотрели в потолок, огромный кадык выступал на тонкой шее словно Эверест. Карманы брюк покойного были вывернуты, а их содержимое – мелочь и несколько смятых купюр небольшого достоинства – валялись рядом. Я склонилась над лежавшим человеком и, чтобы окончательно убедиться, что он мертв, коснулась кончиками пальцев яремной впадины, механически отметив про себя, что тело было еще теплым.

– Не успели, – прошептала я, выпрямляясь.

Я зябко поежилась, будто попала на Северный полюс.

– Господи! – пробормотал за моей спиной Кряжимский. – Это же Клочки.

– Догадываюсь, – я повернулась в сторону комнаты и обомлела.

Нельзя сказать, что смерть Ключкова потрясла меня меньше, чем состояние комнаты, но бардак там был такой, будто по ней прошлась парочка обкурившихся африканских слонов. Довольно скудная обстановка ключковского жилища была буквально перевернута с ног на голову. Весь пол покрывали фотографии самого разнообразного размера. В правом углу под окном темнела гора серпантина из фотопленок. С полдюжины ящичков, в которых, по-видимому, хранились эти пленки, были свалены в другом углу. Сильно обтрепанный диван опрокинут на бок. Двустворчатый шкаф, единственная створка которого висела на одной петле, буквально выблевал из себя все содержимое на пол.

– Елы-палы, – совсем по-митьковски произнес Кряжимский, – здесь что, происходил шабаш?

– Не шабаш, а обыск, – стараясь сохранять спокойную деловитость, ответила я.

– Что же здесь искали? – задумчиво спросил Кряжимский скорее всего для того, чтобы не молчать.

Жертва журналистики, Кряжимский, как это ни парадоксально звучит, верил в слово или, вернее, словам. Да, да, верил, несмотря на отсутствие иллюзий, солидный жизненный опыт и присущую ему, как, впрочем, и всем его собратям по перу, долю профессионального цинизма. Верил как раз в силу своей специальности, о которой говорил, используя

термины «благородная миссия» и «высокое призвание».

– Искали, как мне кажется, то, что имеет непосредственное отношение к деятельности Ключкова как фотографа, – авторитетно обобщила я, испытующе глядя на Кряжимского.

– Фотографии? – как-то испуганно спросил он, сделав удивленное лицо.

– Чему вы так удивляетесь? – с оттенком раздражения в голосе обратилась я к своему заму. – По-моему, случай классический, и терять голову тут не от чего.

Уловив в моей интонации насмешливое пренебрежение и легкую укоризну, Кряжимский поморщился.

– Дима, – раздался из прихожей бодрый старушечий голос, – у тебя дверь открыта.

– Вы закрывали дверь? – шепотом спросила я Сергея Ивановича.

– Забыл, – виновато произнес он. – Не часто приходится проникать в чужие квартиры.

Что же это так не везет-то? Ну почему в книгах и фильмах все получается легко и просто? Теперь эта старушка поднимет истерику – хлопот не оберешься!

Я ринулась в прихожую. На пороге стояла высокая и на удивление прямая старуха. Лет семидесяти, насколько я могла определить. В кремовой кофточке из тонкого трикотажа и хлопчатобумажных брюках. Легкие седые волосы, нимбом окружавшие ее голову, были аккуратно завиты и причесаны. Через плечо перекинут веревочный ремешок плетеной

пляжной сумки. На ногах – кроссовки. Этакая продвинутая бабулька. Увидев меня, она удивленно остановилась.

– Кто вы? – надменно подняла она голову.

Она была выше меня, хотя и меня бог ростом не обидел (как-никак метр семьдесят три), и смотрела сверху вниз. Вот влипли-то! Это же надо, застукали в чужой квартире с трупом хозяина. Ну не молчи же, Оля, надо что-то говорить.

– Простите, не знаю... – смело посмотрела в ее светлые глаза. Во время паузы я старалась подобрать нужные слова.

– Виолетта Гавриловна, – произнесла старуха, сверля меня взглядом. – Я – Дими́на соседка.

«Что, в гляделки будем играть?» – читалось в ее взоре.

– Меня зовут Ольга Юрьевна, – с достоинством произнесла я, не отводя взгляда, – я главный редактор газеты «Свидетель». Дима иногда приносил нам свои фотографии.

Она продолжала буравить меня своим пронзительным взглядом, но теперь в нем появилось что-то ехидное.

– Так вот, Виолетта Гавриловна, – продолжала я врать, – мы с моим заместителем пришли к Диме кое-что уточнить... Дверь была открыта, и мы вошли.

– Барышня, – иронично произнесла старуха, – если вы думаете, что все пожилые люди выжили из ума и им можно легко вешать на уши лапшу, то вы заблуждаетесь. Это раз.

– Но... – начала я возражать, но она остановила меня.

– Погодите, я еще не все сказала, – строго и назидательно проговорила она. – Если вы действительно главный редактор

газеты «Свидетель», то могу сообщить вам, что я регулярно читаю вашу газету. Эта два.

– Да, вот мое удостоверение, – я полезла в сумочку.

– Не нужно, – она высокомерно махнула рукой. – Если это действительно так, то могу добавить, что не все в вашей газете мне нравится. И третье, – тут она сделала театральную паузу, – Дима никогда не публиковал своих фотографий в вашей газете.

«Вот так вот, милочка», – могу поклясться, что я услышала это, хотя она уже закрыла рот. Впрочем, я могу и ошибаться. А вот бабуля ошиблась определенно, если решила, что поймала меня на вранье.

– А я, кажется, сказала, – стараясь сохранять спокойствие, произнесла я, – что Дима приносил нам свои фотографии, а не то, что мы их публиковали. Вот и сегодня он принес нам свои фото, и мы пришли...

– ...кое-что уточнить, – закончила за меня Виолетта Гавриловна, скептически поджав губы.

Она все-таки отвела свой взгляд. Знай наших, карасевских.

– Правильно, – кивнула я. – Вот и Сергей Иванович может подтвердить.

– Конечно, конечно, – Кряжимский грудью встал за моей спиной.

– Ну, ладно, – глубоко вздохнула старуха, – а где же все-таки Дима? Мне нужно кое-что сказать ему, – пояснила она

и сделала жест рукой, как бы отодвигающий нас.

– Дело в том, Виолетта Гавриловна, – помог мне наконец Кряжимский, – что с Димой произошло несчастье. Кто-то ударил его по голове...

Последнюю реплику Сергей Иванович произнес сдавленным голосом, что тут же было замечено проницательной старухой.

«Лучше бы уж он помалкивал», – подумала я про себя.

– Что вы такое несете, милостивый государь? – возмутилась старуха и двинулась в комнату.

Конечно, «двинулась» – это сильно сказано (ей всего-то нужно было сделать два-три шага на ее ходулях), но она так ловко преодолела это небольшое расстояние, как будто мы с Сергеем Ивановичем не стояли у нее на пути. Мы с Кряжимским машинально посторонились, пропуская ее, и она очутилась прямо перед трупом. Когда она его увидела, то не стала кричать или биться в истерике, чего я опасалась и, честно говоря, ожидала, а просто несколько раз осенила себя крестным знамением, повторяя каждый раз: «Господи, боже мой, спаси и помилуй». Потом она повернулась к нам и произнесла тоном пророка:

– Я знаю, кто его убил.

– Кто? – ошарашенным дуэтом спросили мы с Кряжимским.

– Это тот тип, в клетчатой рубашке, – безапелляционно заявила она.

– Вы что, видели его? – взволнованно спросила я.

– Конечно, – уверенно ответила она. – Я уже собралась в магазин и стояла у двери, когда услышала, как Дима отпирает замок. Ну, я посмотрела в глазок, все ли у него в порядке? Дима открыл дверь, а тут этот, в клетчатой рубашке подбежал...

– Подбежал? – переспросила я.

– Ну да, подбежал. Как будто он внизу там замешкался. Да. Они вместе в квартиру и вошли. Я потом вспомнила, что забыла взять кошелек, и вернулась в комнату, а «Эхо Москвы» стало новости передавать.

– Так во сколько это было, вы помните? – чувствуя азарт охотника, выпалила я.

– Конечно, помню, говорю же, «Эхо Москвы» новости начало передавать, минут за десять до того, как вы в дверь забарабанили.

– А как он выглядел? Ну этот, который подбежал?

– Я же сказала уже, барышня, Ольга Юрьевна, если я не ошибаюсь.

– Угу, – кивнула я.

– Да, так вот, Ольга Юрьевна, как я уже сказала, он был в клетчатой рубашке, высокий и лысоватый такой. Подробнее не разглядела, очень быстро пробежал.

– Значит, больше вы ничего не заметили, Виолетта Гавриловна? – я с надеждой смотрела на нее.

– Нет, больше ничего, – как-то неестественно сухо отозва-

лась она.

– Как он выходил, вы не видели?

– Наверное, он быстро ушел, пока я новости слушала.

– Ничего не понимаю, – произнесла я. – Когда же он успел все здесь перевернуть?

Виолетта Гавриловна, видимо, посчитав разговор законченным, повернулась к двери.

– Нужно вызвать милицию, – бросила она через плечо. – А вы никуда не уходите, они будут снимать показания. И ничего там не трогайте, – добавила она уже в дверях.

Пораженные ее выдержкой, властным тоном и осведомленностью о том, что и как полагается делать в подобной далеко не обыденной ситуации, мы замерли с открытыми ртами, провожая статную фигуру старухи взглядами.

Когда легкий шок прошел, я поняла, что влипли мы крепко.

* * *

Не буду утомлять читателя пересказом того, как мы провели следующие несколько часов. Хорошо еще, что нас с Кряжимским не задержали в качестве подозреваемых. Но вопросов к нам было – жуть. И как мы здесь оказались? И когда пришли? И зачем? И в каких отношениях были с покойным? Когда выяснилось, что Ключков сегодня с утра ходил в милицию, вызвали того лейтенанта (оказалось, что его

фамилия Перфильев), к которому он обращался.

Я надеялась, что Клочков сделал несколько экземпляров фотографий и лейтенант привезет тот, который оставил им Дмитрий, но надежды мои не оправдались. Перфильев, после того как они съездили на место и ничего там не обнаружили, вернул фотографии Клочкову.

Лейтенант вызвал Матвиенко, и вся бригада поехала на опушку, которую им показывал Дима. Мы, само собой, увязались за ними. Мне хотелось увидеть все своими собственными глазами, чтобы потом отразить в статье.

* * *

Когда мы вернулись в редакцию, уже смеркалось, и сотрудники, естественно, разошлись по домам.

Я прошла к дивану, щелкнув по пути рычажком электрочайника, и с облегчением откинулась на мягкую спинку. Я так устала за сегодняшний день, словно в одиночку разгрузила вагон чугунных болванок. Ноги и голова гудели, хотя, казалось бы, ходила я не так много, да и особо сложными размышлениями себя не обременяла.

Только горькое сожаление о нелепой смерти Димы Клочкова преследовало меня всю вторую половину дня. Человек пришел к нам, рассчитывая на нашу помощь и компетентность, а мы... Я ругала себя за то, что позволила Кряжимскому отпустить Клочкова, за то, что слишком медленно ехала.

Ведь приди мы к нему на десять минут раньше, он мог бы остаться в живых.

Мы не проронили ни слова, пока закипала вода, и потом, когда я разливала кофе по чашкам. Только сделав несколько глотков сладкого ароматного напитка, я решила, что найду убийцу Димы Клочкова чего бы мне это ни стоило.

Только вот с чего начать?

Единственная зацепка, которая, возможно, хоть как-то могла нам помочь, – фотографии – безвозвратно исчезла.

– Сергей Иванович, – я подняла голову и посмотрела на Кряжимского, – повторите, пожалуйста, мне еще раз то, что вы рассказывали в машине. Ну, о вашей беседе с Клочковым.

– О беседе, – начал морщить лоб Кряжимский. – Это можно.

И он начал рассказывать.

– Значит, – сделала я вывод (который, впрочем, напрашивался сам собой), после того как он закончил, – убийц было как минимум двое.

– Мне тоже так показалось, – произнес Сергей Иванович. – Будешь еще кофе?

– Можно, – задумчиво согласилась я. – А пожевать ничего нет? – я вдруг почувствовала, что страшно голодна, и вспомнила, что последний раз ела в Карасеве перед отъездом в Тарасов.

– Да найдем чего-нибудь.

Кряжимский пошарил в холодильнике и извлек оттуда

полпалки копченой колбасы и почти целый батон.

– Ого, – обрадовалась я, – живем.

Я отрезала приличный кусок колбасы и с аппетитом вгрызлась в него зубами. Кряжимский сварил еще кофе.

– Давайте попробуем восстановить картину убийства... Я имею в виду убийство в лесу, – сказала я, когда с колбасой было покончено.

– Ты считаешь, что там было убийство?

– Если даже и не убийство, то во всяком случае что-то такое, что толкнуло злодеев на новые преступления, – рассуждала я. – Зачем бы им в противном случае нужно было выслеживать Ключкова, бить по голове Марину и воровать фотографии?

– Погоди-ка, Оля, – остановил меня Кряжимский. – Здесь какая-то накладка получается. Убийство Ключкова было совершено почти в тот самый момент, когда кто-то ударил по голове Марину и украл фотографии.

– Ну да, – согласилась я, – но это же только подтверждает мысль о том, что убийц было несколько.

– Давай пока остановимся на двоих, – предложил Сергей Иванович. – Но я не об этом хотел сказать. Зачем им надо было убивать Ключкова, когда фотографии были уже у них в руках?

– Ой, Сергей Иванович, – возбужденно закричала я, – все теперь понятно!

– И что же тебе понятно? – Кряжимский смотрел на меня,

как на расшалившегося ребенка.

– Ну как же, смотрите, я долго об этом думала. Чтобы устроить в квартире Ключкова такой раскардаш, понадобился по меньшей мере час. Так?

– Да уж, никак не меньше.

– А искали у него в квартире негативы тех самых фотографий, которые Дима приносил нам. Искали, но не нашли.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что если бы они нашли негативы, то Ключков был бы им уже не страшен. Кто ему поверит без негативов?

– Да уж, – Кряжимский почесал подбородок, – ему и с негативами-то не поверили.

– Вот именно, – азартно продолжала я, – значит, негативы были у него с собой. Преступник понял это, когда обыскал квартиру Ключкова (чтобы открыть его замок, не нужно быть супервломщиком) и стал поджидать его возле дома. Он мог бы, конечно, остаться у него в квартире, но, скорее всего, побоялся: вдруг Дима придет не один.

– Вроде бы логично, – Сергей Иванович внимательно слушал меня.

– Так вот, когда Ключков вернулся домой из редакции, преступник последовал за ним до квартиры и набросился на него в тот момент, когда Дима открыл дверь. Это видела Виолетта Гавриловна, только она не поняла, что этот в клетчатой рубашке ударил Дмитрия. Вы заметили, что карманы у него были вывернуты?

– Как-то не обратил внимания.

– Так вот, этот клетчатый грохнул Ключкова, забрал у него негативы и сдернул. На это ему потребовалось несколько минут.

Кряжимский рассеянно кивнул и почесал в затылке.

– О чем вы думаете? – нетерпеливо спросила его я. – Или еще одну накладку нашли?

– Да нет, – вышел он из задумчивости, – только как мы преступников искать будем? Что мы в принципе имеем? Предположение, что преступников как минимум двое, что в случае с Ключковым действовали они параллельно, что один из преступников был в клетчатой рубашке... Фотографии украдены, негативы тоже...

Он беспомощно посмотрел на меня.

– Не знаю пока, что конкретно предпринять, но попытаться что-то сделать можно.

– То есть? – Кряжимский удивленно воззрился на меня.

– Подлейте-ка мне еще кофейку, – я лукаво посмотрела на растерянного зама. – Очень тонизирующий напиток!

Перед тем как плеснуть мне кофе, Кряжимский опять бросил на меня непонимающий взгляд.

– Да что вы на меня так смотрите? – усмехнулась я. – Вы детективы читаете?

Надо было видеть его физиономию, на которой недоумение и робкая надежда никак не могли решить, кому верховодить.

– Ну вспомните, с чего, собственно, начинается расследование?

– С поиска информации, – озадаченно пробормотал Кряжимский, сделав солидный глоток кофе.

Очевидно, мое замечание о тонизирующей роли этого напитка навело его на мысль, что чем больше он глотнет кофе, тем скорее разгадает мои планы. Хотя признаюсь, особенных планов у меня не было, только кое-какие более-менее оправданные предположения. Просто я не хотела сдаваться и потому цеплялась за любую известную мне деталь.

– Так, сколько у нас пропикало? – бодро спросила я.

Кряжимский взглянул на свой «Ситизен» и сказал:

– Половина девятого, а что?

– Чем оперировали Холмс и Пуаро?

Кряжимский открыл рот, точно собрался проглотить пару яиц.

– Деталью, – насмешливо и назидательно ответила я за него. – Сергей Иванович, вспомните, что Клочков рассказывал вам о даме, ну, той блондинке, которую он увидел на поляне. Какими были ее движения?

– Плавными, изящными, и все в таком духе, – огонек догадки мелькнул в его темных глазах под косо нависшими веками.

– Вот именно. Вполне возможно, что дама профессионально занималась танцами...

– А может, художественной гимнастикой? – шутливым то-

ном подхватил Кряжимский.

– Может быть, – уже не так весело согласилась я. – Так вот, нужно объехать имеющиеся в городе бары, клубы, дискотеки и прочие аналогичные заведения. Придется заглянуть и в спортивные секции.

– Шансы не велики, – меланхолично заметил Кряжимский, ставя опорожненную чашку на стол, – тем более что мы знаем о ней только то, что она стройная блондинка с кудрявыми волосами до плеч.

– Я называю это черной работой журналиста и детектива, – твердо произнесла я, глядя на него в упор.

– Ну что ж, я готов.

– Разделим эту черную работу поровну. Давайте распределим, кому какие заведения... Я, скажем, объеду район набережной и центр, а вы возьмете на себя периферийные районы. Подобных заведений там немного, так что, как только освободитесь, поможете мне. Идет?

– О'кей, – улыбнулся Сергей Иванович.

– Тогда – по коням! – скомандовала я, вскакивая с дивана и таким образом давая пинка своей сонной усталости.

Я устремилась к двери, чувствуя в крови прилив адреналина, степенный и основательный Кряжимский последовал за мной уверенным шагом. Но его неспешный аллюр явно проигрывал моей лихой прыти, так что в конце концов и ему пришлось поторопиться.

Садясь в машину, я бросила заму:

– Связываемся каждые полчаса.

– Угу, – буркнул он, усаживаясь на сиденье своей «шестерки» с такими предосторожностями, точно боялся, что авто развалится под ним.

Когда я сорвалась с места, его белый «жигуленок» все еще неподвижно стоял на месте, торча в нахлынувших сумерках как бельмо на глазу.

Глава 3

Вечер выдался душный, без единого намека на ветерок. Центральные улицы приветливо светились огнями, толпы разряженных прохожих фланировали по проспекту. Я остановилась и вышла из машины. Первым в мысленно составленном мной списке баров, ресторанов и клубов я намеревалась посетить бар и дансинг «У Бартольда». Полыхающая огненно-синими разводами вывеска манила, призывала мирных обывателей посетить заведение.

У дверей дансинга толклась разношерстная молодежь, которая, в свою очередь, обращала на себя внимание пожилой части гуляющих по тарасовскому Арбату. Я продефилировала мимо кучки «неформалов», одетых как близнецы в брюки на бедрах и короткие узкие маечки. Одежда парней мало чем отличалась от девичьей, прически также давали пищу для раздумий: кто перед тобой – он или она?

Сунув свое удостоверение под нос охраннику в камуфляжной форме, который что-то назидательно вещал двум смазливой девчушкам с инфантильными хвостиками и в джинсовых комбинезонах, я прошмыгнула внутрь.

Веселье только начиналось, но основная часть молодежи уже порядочно набралась. Одни кучковались у стойки бара, другие сидели за столиками. Плывущий в дымном разноцветье огней зал сотрясался от судорожного рейва, разбавлен-

ного пьяным галдежем.

Я прямым ходом направилась к стойке. Продраться сквозь толпу балдеющих парней и девиц было делом нешуточным. Я постоянно извинялась, легонько отстраняя и отталкивая попадающихся на моем пути посетителей, и ловила на себе их недоумевающе-пьяные взгляды. Один пропирсингованный детина лет двадцати даже бросил мне: «Ты че, подруга?»

Я не стала объяснять, что я никакая ему не подруга, мне было не до того.

Бармен, сухощавый неулыбчивый парень, с хмурым, сосредоточенным видом готовил коктейли. Видать, ему осточертели все эти невыдержанные и пропитые любители дансингов.

На его бэйдже я прочла: Никифоров Николай. Ну что ж, очень приятно.

– Апельсиновый сок, – сказала я, заглядывая в его бледное, но с правильными чертами лицо.

Ответом мне был недоуменный взгляд: очевидно, здесь никто не заказывал такой безвредной жидкости.

– Пожалуйста, – бармен поставил передо мной высокий стакан, на две трети наполненный соком.

– Извините за навязчивость, вы здесь давно работаете? – полюбопытствовала я, бросая на парня красноречивые взгляды.

– А что? – несколько насторожился он.

– Да понимаете, – начала я врать, – я ищу свою давнюю

подругу, она работала раньше танцовщицей в «Меркурии», а теперь пропала из вида. У вас нет постоянной труппы?

– А какой возраст у вашей подруги? – без особого интереса спросил он, протирая стаканы.

– Двадцать семь, но она всегда выглядела моложе своего возраста. Умела себя подать, да и потом все эти новомодные кремы да скрабы...

Я косила под дурочку. Побольше наивности, этакого невинного шарма.

– Есть у нас тут ребята, но им всем не больше двадцати, – вяло отозвался он, не обращая внимания на мой обходительный тон и вкрадчивую улыбку.

– А девушки?

– Одна, но она тоже еще зеленая. Эти ребята реп танцуют да хип-хоп.

– Нет, – разочарованно произнесла я, – это скорее всего не она.

Нечто похожее на сочувствие мелькнуло в беглом взгляде бармена, и я решила воспользоваться переменой в его настроении.

– Николай, вас ведь так зовут, надоели вам, наверное, все эти малолетки? – участливо спросила я, пытаюсь найти подход к парню.

– Вот они у меня где, – он сделал выразительный жест, полосонув большим пальцем по горлу. – Мало того, что нажираются, как свиньи, так еще таблетки да травку с собой

приносят!

– Да-а, – понимающе протянула я, – никудышное поколение. Вот мы с вами не намного старше их, а какая разница! Разве мы эту муру конопляную употребляли?

Бармен с симпатией посмотрел на меня, но тут же вновь опустил глаза и принялся с усиленной тщательностью тереть полотенцем стаканы.

– А вы давно в этом бизнесе? – я обвела глазами зал.

– Здесь два года, а раньше в других местах работал, в более цивилизованных.

– Это где же? – я сделала наивное лицо.

– В «Рондо», потом в «Красной мельнице», в «Берне», в «Элоизе».

– Да-а, вы не новичок, – уважительно сказала я. – А в этих заведениях выступали какие-нибудь танцовщицы?

– А вы что, нигде не были? – с оттенком пренебрежения в голосе спросил Коля.

– Я ж не местная, из Карасева. Вот приехала подругу искать.

– А-а, – бармен поднял на меня свои зеленоватые глаза, – вас варьете интересует?

– Все, что связано с танцами.

– Во всех этих клубах танцовщицы были. В «Рондо» и «Элоизе» даже стриптиз каждый вечер давали. Веселье шло на всю катушку, но все-таки не как здесь, там люди солидные отдыхали, платили хорошо.

– А вы случайно не помните такую яркую блондинку, стройную, высокую...

Бармен усмехнулся.

– Они все высокие да стройные в балете были, вот как вы, – он оценивающе посмотрел на меня.

Я сделала вид, что смущена и польщена.

– Спасибо за комплимент, – застенчиво поблагодарила я Николая, – а все-таки...

– Пара таких блондинок точно была. Мы с танцовщицами всегда ладили – в одном заведении работали.

– А в этих заведениях труппы постоянные были?

– В «Рондо» разные, например, выступали. Но некоторые выступали так часто, что поневоле контакты завязывались.

– А вы не помните, – не отступала я, хотя была несколько растеряна: не ищу ли я иголку в стоге сена? – не было ли среди танцовщиков такой эффектной пары – та самая блондинка, о которой я вам уже говорила, и высокий парень, правда, у него уже ранние залысины были?

Я почему-то решила объединить преступников не только в криминальный, но еще и в танцевальный дуэт. Почему бы не попробовать эту версию?

– Были одни, – неуверенно, точно нащупывая в памяти зыбкие силуэты канувших в Лету людей, проговорил Николай. – Только она не блондинка была, а шатенка.

– Длинноволосая? – не удержалась я от вопроса.

– Да, Кларой звали, а его – Евграфом. Он вроде молдава-

нин был. Но тип такой, не ярко выраженный.

– Как он выглядел?

– Так ты подружку ищешь или ее кавалера? – иронично спросил он.

– Обоих, – сделала я вид, что он меня раскусил.

Таким образом я хотела польстить его самолюбию.

– Высокий, как ты сказала... только никакой не лысый, у него шикарные темно-русые волосы. Постой, если он – тоже твой знакомый, ты должна это знать. А вообще-то твоих знакомых действительно Кларой и Евграфом звали? – парень недоверчиво посмотрел на меня.

Я немного растерялась, но тут же взяла себя в руки. Увлечшись расспросами, я пропустила важную, можно даже сказать, ключевую реплику. После того как Николай назвал имена моих «знакомых», мне нужно было ударить себя по лбу и воскликнуть: «Черт, ведь это же они и есть!»

– Сам понимаешь, как трудно иной раз избавиться от сомнений, до последней минуты думаешь: а что, если это ошибка? – я подняла на бармена ясный, как слеза ребенка, взгляд.

– Че ты мне лапшу на уши вешаешь? – язвительно произнес он. – Хватит дурочкой прикидываться.

Теперь он сверлил меня недоверчивым взглядом.

– Шеф, водки налей, – развязно крикнул какой-то пьяный хлюпик. Он полулежал на стойке и рыгал, петляя мутным взглядом по густо уставленным бутылками полкам.

– Кончилась водка, – мирно сказал Николай. – Эй вы, – не очень вежливо обратился он к друзьям дистрофика, – уведите его отсюда, вы что, не видите – он на ногах еле стоит.

– Наливай! – стукнув кулаком по стойке, парень рухнул на нее.

– Заберите его, а то я милицию вызову, – с металлом в голосе пригрозил бармен.

Двое ребят подхватили под руки своего непутевого собрата по дансингу и ретировались, бросив на ходу:

– Извини, шеф!

– И семнадцати нет, а так надрался! – строгим тоном старшего брата произнес Николай.

– А все-таки, что случилось с той самой парой? – нагло упорствовала я.

Бармен посмотрел на меня в упор.

– Ничего, – раздраженно прошипел он. – Я ничего рассказывать не обязан.

Он сделал пренебрежительный жест, мол, катись колбаской по Малой Спасской.

– Я ищу этих ребят, потому что они, возможно, замешаны в одном нехорошем деле, – резко сказала я, не отрывая от него взгляда.

– Вот как? – хихикнул бармен. – Может, у тебя и корочки есть?

– Есть, но не милицейские, а журналистские, – я вынула удостоверение и сунула ему под нос.

Ознакомившись, он вернул мне удостоверение, сопроводив свой медленный жест долгим пристальным взглядом.

— С каких это пор журналисты ведут расследования?

— С тех самых, когда многие в этой стране поняли, что если милиции в некоторых случаях и можно доверять, то нельзя на все сто быть уверенным в компетентности ее работников, а главное, в их желании распутывать разные запутанные истории. И еще с тех пор, когда мы поняли, что демократия невозможна без прессы.

Иногда, смотря по обстоятельствам, мне нравились патетические речи, которые я время от времени произносила. Они мне удавались. Без ложной скромности. Насмешка в глазах Коли к концу фразы сменилась какой-то боязливой вдумчивостью, точно он пытался осознать всю меру ответственности, которую пришлось на себя взвалить работникам печати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.